

ANTIQUÉS

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Юлия Кузнецова

Определение

<https://litres.ru/74121519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Знакомо ли вам чувство абсолютного одиночества посреди шумной толпы? Как чувствует себя человек, у которого есть всё, но внутри — оглушительная пустота?

Что такое одиночество, если ты вырос в достатке, окончил Сорбонну и получил хорошую работу, но близкие вычеркнули тебя из жизни? Мать оттолкнула, побоявшись стать ближе, а от отца остались лишь тяжёлые воспоминания. Когда ты окружён людьми, но у тебя, как у личности, просто нет определения.

Лоранс столкнулась с этим в свои двадцать шесть. Когда идеальный фасад правильной жизни, выстроенный под вечным контролем и осуждением, окончательно дал трещину, она не нашла другого выхода, кроме как бросить всё и сбежать.

Это история о том, как больно разрушать внутренние стены, о тяжести семейных тайн и о том, как важно среди чужих ожиданий отыскать самое главное — свое собственное определение.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16

Юлия Кузнецова

Определение

Глава 1

Глоток черного кофе и мансарда в Le Pollet.

Лоранс медленно разлепила глаза и осмотрелась по сторонам, словно хотела убедиться, где находится. Ее взгляд упал на старый потертый комод, который, наверное, стоял тут еще до революции, а на нём — не менее старые часы-будильник, издававшие мерное противное тиканье. Стрелки показывали три. В окне, которое располагалось почти в самом потолке, уже проступали первые розовые отблески заката, окрашивая тяжёлые облака в персиковый оттенок. Погода в Дьеппе в это время года всегда была такой — холодной и тоскливой. С моря тянул промозглый ветер, неся за собой запах соли и йода. Лоранс зябко натянула одеяло до самого носа и посмотрела на Сартра, рыжего кота, которому квартира, кажется, пришлась по душе: он величественно восседал на подоконнике и смотрел в окно, наблюдая за редкими прохожими. Лоранс шумно выдохнула и повернулась на бок, прикусив ноготь на большом пальце, дурацкая привычка, за которую бабушка вечно её ругала. Она медленно обвела взглядом стену — зелёные обои в мелкий цветочек кое-где пожел-

тели и слегка отошли от сырости. В углу стоял светильник с бежевым абажуром — возможно, когда-то он был белым. К слову, это был единственный источник света: лампочки из люстры давно выкрутили, а сама люстра покрылась толстым слоем пыли. Взгляд Лоранс вернулся к тому самому комоду, на котором стояли часы, а рядом ее дорогая сумка PRADA — предмет, который совершенно не вписывался в общую картину нового жилья. За комодом — стул, у другой стены — небольшое трюмо, после него большой шкаф, такой же потёртый, с мутным зеркалом в полный рост. Дальше — арка, ведущая в крохотную кухню, входная дверь, у которой сиротливо стоял чемодан от BRIC`S BELLAGIO, напротив — дверь в ванную. Лоранс нехотя поднялась, подошла к чемодану, подняла его на стул и, расстегнув крышку, достала короткий кардиган крупной вязки, цвета слоновой кости, с большими черепаховыми пуговицами. Накинув его, она передёрнула плечами от холода и прошла на кухню — искать кофеварку. Хоть какую-нибудь, пусть допотопную, лишь бы варила кофе. Не найдя ничего похожего, она взяла чайник — единственный относительно новый предмет в кухне — и поднесла к крану. Повернула вентиль со скрипом и тут же отёрнула руку: из-под крана брызнула ржавая вода, сам кран запрыгал и едва не слетел “с катушек”. Вода пробежала, кран успокоился. Лоранс наполнила чайник, включила его и принялась шарить по шкафчикам в поисках растворимого кофе. Найдя заветную банку, открыла её и с тяжёлым вздо-

хом насыпала в кружку, стоявшую на столешнице. В её голове мелькнуло: “Да, это тебе не старбакс возле Сорбонны с ее рафом на миндальном”. Потом девушка достала вторую банку, в надежде найти там сахар, но в банке оказались гвозди. — О как, — удивлённо произнесла она и с лёгкой улыбкой поставила банку на место. Сахара в шкафчике не нашлось, зато Лоранс вспомнила: в сумочке лежало несколько пакетиков как раз из того самого «Старбакса». Она вернулась в комнату и стала рыться в сумочке, обнаружив телефон, она подумала — «точно, надо позвонить бабушке, в это время у меня обычно обед на работе» — найдя сахар, она вернулась на кухню, высыпала пять пакетиков в кружку и села за маленький столик у холодильника с чуть шатающейся ножкой. Шумно выдохнув, собираясь с мыслями, Лоранс нажала на контакт «Ба» — так она её всегда называла, коротко и хлестко. Впрочем, такое сокращение шло под стать женщине шестидесяти восьми лет, Женеви́еве Бертье. Статная, безупречно ухоженная, они с дедушкой вращались в высших кругах. Сама она всю жизнь проработала критиком в области искусства и была наследницей старинного буржуазного рода, тогда как дедушка, Анри Бертье, занимал должность почётного профессора-искусствоведа в Сорбонне. Жили они в своём имении в Варанжвиль-сюр-Мер (Varengeville-sur-Mer), — в пятнадцати минутах от Дьеппа, в престижном пригороде с роскошными виллами на скалах над морем. Дьепп же был обычным портовым городом рыбаков и мастеров, почти за-

бытым богом местом в Нормандии — если не считать его культовых исторических мест. Женестьева возглавляла попечительский совет благотворительного фонда и была заводилой в местном кругу состоятельных соседей, то и дело устраивая тематические вечера. Анри занимал пост председателя комитета по сохранению исторического и архитектурного наследия Варанжвиля — проще говоря, ни покрасить, ни снести, ни построить здесь ничего нельзя было без его ведома.

Женестьева ответила почти сразу — поправила соломенную шляпу с широкими полями и чуть спустила большие солнцезащитные очки-«кошки»:

- Детка, здравствуй, а ты чего камеру не включила?

— Привет, ба, у меня что-то с телефоном, весь день глючит. Я ненадолго, просто хотела узнать, как вы там, — Лоранс сглотнула ком волнения. С работы она уволилась за три дня до отъезда в Дьепп — как раз тогда, когда окончательно убедилась в своём намерении уехать, а точнее — сбежать из Парижа. Она не то чтобы никогда не лгала бабушке, но каждый раз это давалось с трудом: смотреть в её ласковые, чуть осуждающие глаза и произносить заученную ложь, не сбиться, не выдать себя было не так-то просто, ни в детстве, ни сейчас.

— А, ну ладно. Да что у нас — солнце, волны. Правда, твой дедушка за завтраком в отеле уже успел поспорить с официантом из-за какой-то безвкусной картины на стене, -

Женевьева тихо посмеялась, - ну а так, все отлично, сегодня вечером пойдем на тематический вечер, посвященный новому урожаю, будем пробовать разные вина, жаль, что ты с нами не поехала, детка.

— Прости, бабушка, у нас заболела Адель — я не могла подвести ребят. К тому же я говорила тебе, что намечается серьёзный проект.

— Помню, помню. Очень рада, что ты у нас такая ответственная умница, — бабушка ласково улыбнулась. Лоранс прикусила губу и опустила взгляд, хоть бабушка её и не видела.

— Ладно, бабуль, мне пора — работы много, — Лоранс как раз поднялась и подошла к чайнику, который только что выключился. Налила кипятка, достала из ящичка ложку и опустила её в кружку.

— Давай, лапочка. Не перетруждайся и кофе много не пей, — бабушка улыбнулась и сбросила звонок.

Лоранс вернулась за стол, забралась на стул с ногами, спрятала колени под кардиган. Взяла кружку, сделала маленький глоток и замерла над горячим паром, что исходил от дешевого напитка, но сейчас, он казался ей самым вкусным кофе на свете, ведь это был не просто вкус кофе, это был вкус ее свободы.

Глава 2

Marché Quai Henri IV.

Лоранс сидела над кружкой и думала. Правильно ли она сделала, что сбежала? Почему именно сюда? Ведь в любой момент её могут раскрыть — достаточно бабушке или дедушке вдруг надумать заехать в Дьепп. Как долго вообще можно скрывать причину побега, знает ли она ее сама...

Из мыслей её выдернул Сартр — издав странный звук, что-то среднее между мяуканьем и скрипом старой двери. У Сартра были надорваны голосовые связки, поэтому он не мог нормально мяукать или мурлыкать — в основном просто хрипел. Сам по себе кот был помесью мейн-куна и турецкого вана: белый, с рыжей спинкой, хвостом и головой до самого подбородка, мощными лапами, небольшими кисточками на ушах и переливающимися глазами цвета зелёного чая. Они познакомились совершенно случайно. Лоранс возвращалась с вечеринки, куда затащили друзья, — провела там от силы сорок минут и сбежала: невыносимо одиноко было среди всех этих пустых лиц под неоновыми лампами. Пройдя вдоль шумной клубной улицы, Лоранс свернула в переулок — и тут на пути возник он: бело-рыжий кот с большими умными глазами. Он внимательно посмотрел на Лоранс, словно оценивая, и сделал пару шагов ей навстречу. Лоранс поначалу вздрогнула от неожиданности, но когда встретилась с его

изучающим зелёным взглядом, прикусила губу и присела на корточки. — Ну, привет, — она осторожно протянула руку и шмыгнула носом от лёгкой прохлады. Кот, недолго думая, понюхал протянутую руку и тут же ткнулся в неё, слегка потёршись. Девушка тихо засмеялась. — Ты ко всем так? Интересно, есть у тебя дом? — Она погладила его, и кот ловко запрыгнул к ней на колени, тихонько затарахтел и медленно зажмурился, всем видом давая понять: ты мне нравишься. — Ох, ты правда предлагаешь взять тебя с собой? Я живу в съёмной квартире, даже не знаю, пустят ли с котом... — она посмотрела на него и вздохнула. Потом, немного подумав, взяла кота на руки и прижала к себе. — Знаешь, раз уж ты меня выбрал — я должна нести за тебя ответственность, верно? — Кот в ответ ловко вскочил ей на плечо и устроился там, под придерживающую руку. — Ты что, кот-попугай? — засмеялась она, и они пошли домой. Дома Лоранс накормила и вымыла нового соседа, потом они вместе устроились на кухне. Она поглаживала его по спинке и тихо спросила: — Как же мне тебя назвать? Может, Жак? — Кот поднял голову и, кажется, нахмурился. Тихо фыркнул и перевернулся на бок, подставляя белое пузо. — Ну-у, ладно, — она стала перебирать имена, и вдруг брови её взлетели вверх. — Сартр. Жан Поль Сартр — как тебе? Мне кажется, вы очень похожи. — На этот раз кот промолчал, но медленно зажмурился и, кажется, даже кивнул. Имя великого философа ему пришлось по душе.

Лоранс подняла на Сартра глаза и улыбнулась. — Да, я тоже голодная. Пойдём на охоту? Заодно познакомимся с городом. Девушка поднялась и оставив на столе кружку, — к слову, она никогда не допивала кофе или чай до конца, максимум до половины, а дальше кружка либо оставалась стоять на столе, либо отправлялась в раковину с недопитым напитком. Зашла в комнату, сняла кардиган, сменила домашнюю футболку на двойную майку, поверх — голубой свитер из пряжи soft touch, а на ноги прямые черные джинсы, свободного кроя, затем порылась в сартровском шопере и вытащила его чёрную шлейку с широкой ручкой-поводком, которую носила через плечо. Из своей сумочки Лоранс достала резинку, собрала волосы в небрежный пучок на макушке, вытащила футляр и надела очки. Картхолдер с картами сунула в задний карман. Обернувшись, она увидела, что кот уже вился у входной двери, ожидая неторопливую хозяйку. Девушка надела на него шлейку, сняла с вешалки в углу коричневое кашемировое пальто и быстро сунула ноги в чёрные ботинки на толстой подошве — самое то для неровной каменной брусчатки старого Дьеппа.

Сартр первым выскочил из подъезда, наступил на мокрую брусчатку и тут же брезгливо тряхнул лапой, подняв голову на хозяйку. Лоранс засмеялась и присела на корточки. — Что, не нравится по мокрым камням? — она погладила друга по спинке. Кот ловко, как всегда, прыгнул ей на плечо, и они двинулись вниз по улице, мимо указателя с надписью

Marché Quai Henri IV — рынок на набережной Анри IV. Лора достала телефон и открыла карту: надо найти банкомат. На рынке вряд ли принимают карты, да и в здешних лавках — бог его знает. К удивлению, банкоматов нашлось несколько, и один как раз был по дороге. Она убрала телефон и погладила рыжего спутника по голове.

Сняв наличные — без приключений, разумеется, не обошлось и здесь, банкомат целых три минуты не хотел выплевывать карту, и Лоранс пришлось с боем её выдирать, пока кот едва не свалился с плеча — они увидели старую вывеску, натянутую с четырёх сторон на канатах. Хотя рынок угадывался ещё за несколько шагов — по дикому крику чаек, удару запаха сырой рыбы в нос и перекличке рыбаков-торговцев поверх голов покупателей, резким местным говором. Под брезентовыми навесами, с которых сиротливо капала вода, тянулись металлические прилавки. Лоранс шла вдоль рядов, а Сартр, наостривший уши и нюх в поисках свежей добычи, вертел головой во все стороны. Лора подошла к одному из прилавков, усыпанному колотым льдом: на нём красиво лежала блестящая макрель, тёмно-серая треска и шевелившиеся клешнями крабы. За прилавком стоял крупный рыбак в тяжёлых резиновых сапогах почти до колена, грязном синем фартуке и смешной кепке, из-под которой торчали в разные стороны местами седые волосы. Сначала он хмуро глянул на девушку из-под густых бровей, потом с удивлением перевёл взгляд на кота, который уже примеривался

прыгнуть на рыбу, но сдержался — всё-таки он кот приличный. Рыбак усмехнулся и ловко отрезал филейным ножом кусок, протянув его мозолистыми пальцами рыжему охотнику. Сартр тут же выхватил кусок мелкими острыми зубами, быстро зажевал и утробно заурчал, одобряя выбор. Рыбак раскатисто расхохотался, хлопнув себя по животу, и широко улыбнулся, обнажив пожелтевшие от табака зубы. — Ну раз месье одобряет — берите макрель, мадемуазель. Утренний улов!

Лоранс невольно улыбнулась, поправила очки и кивнула. — Хорошо, возьму одну. — Расплатившись, она бережно уложила завёрнутую в плотную бумагу рыбу на дно большой сумки, прихваченной заблаговременно. Прошла через два ряда к овощному прилавку и выбрала уже на свой вкус — Сартра овощи не интересовали. Чтобы поскорее сбежать от портового грохота и крика чаек Лоранс вышла с рынка и свернула в первый же переулок, что уводил наверх, на Rue des Artisans (улица ремесленников)— узкая старинная улочка, зажатая между фахверковыми домами. Потемневшие, почти чёрные от влаги деревянные балки крест-накрест врезались в грязно-белые кирпичные фасады; дома стояли так близко, что шиферные крыши почти смыкались над головой, закрывая серое небо. Здесь, в отличие от набережной, царил относительная тишина — лишь изредка долетали крики тех самых прожорливых чаек. Лоранс скользила ботинками по влажному неровному булыжнику, заворо-

женная строгой готической красотой, — и вдруг перед ней возникла кованая вывеска в форме коровы, сиротливо качавшаяся на ветру: «La Crèmerie Normande» — сыроварня Нормандии. Дверь из дерева со вставками в виде стеклянных ромбов легко поддавалась. Внутри было тепло, и запах стоял густой, плотный: кислое молоко, орехи, погреб, плесень. Запах абсолютного гастрономического блаженства для любого француза. За прилавком из тёмного дерева стояла колоритная полная мадам в белоснежном фартуке — увидев рыжего красавца на плече хрупкой девушки, она восхищённо зацокала языком. — Какой королевский месье! — добродушно улыбнулась и дала девушке пару советов, пока у той разбегались глаза. В итоге мадам завернула Лоранс брусок матового солёного масла с крупинками морской соли и круглую коробочку из бересты, в которой прятался тягучий мягкий камамбер — гордость Нормандии. Напробовавшись сыра вместе с котом, явно возгордившимся от такого внимания, Лоранс вышла из сыроварни и прошла чуть дальше, учуяв манящий запах выпечки, корицы и ванили. Через пару домов появилась и заветная, залитая янтарным светом витрина пекарни. Она зашла внутрь, не отрывая взгляда от рядов золотистых круассанов, и не удержалась — купила пару штук и традиционный багет.

Следующая остановка была куда менее колоритной — она буквально вырывала из магии старинных улочек в реальность наших дней. Ярко – зелёное здание современной по-

стройки, совершенно не вписывавшееся в местный антураж, — обычный маркет сети «Carrefour Express», всё необходимое у дома. Взяв тележку, она спрятала Сартра за пазуху пальто и набрала самого нужного: спички, соль, сахар, мочалку, мыло и прочие бытовые мелочи — без моющих средств: иначе бедная хрупкая девушка попросту не дотащила бы всё до мансарды. Расплатившись — с мыслью «надо посчитать сбережения» — Лора вышла из маркета и двинулась домой. Сартр немедля с негромким ворчанием перебрался обратно на её плечо.

Глава 3

Madame Colette Leroy.

Madame Colette Leroy была высокой, худощавой женщиной с точёной, почти балетной осанкой — в молодости занималась гимнастикой и прекрасно каталась на коньках. Абсолютно седые, серебряные волосы она зачёсывала назад и собирала в безупречный строгий пучок. Вместо мягких кофт носила старые, но идеально отутюженные твидовые жакеты и кашемировые шарфы, пахнувшие сигаретным дымом и Chanel N°5. На тонких узловатых пальцах — никаких дорогих камней, лишь золотое тройное кольцо, слегка потускневшее от времени. В её жестах — в том, как она держит чашку или длинный мундштук, — мгновенно угадывается порода, то самое воспитание, которое невозможно вытравить годами портовой жизни. В молодости она была частью того самого светского общества Варанжвиля, из которого теперь сбежала Лоранс. Ходила на званые ужины в роскошные виллы на скалах, дышала рафинированным, удушающим воздухом буржуазии. А потом встретила Жана — обычного, открытого, весёлого парня из порта, сына моряка. И Колетт без сожаления променяла фарфор, оранжереи Варанжвиля и одобрение семьи на крошечную мансарду под шиферной крышей на пятом этаже. Семья, конечно, отвернулась — сочла этот брак позором. Но Колетт ни разу в жизни не пожалела о вы-

бранном пути.

Жана не стало десять лет назад, подниматься на пятый этаж стало тяжело, ее верным помощником сделалась изящная трость с птицей на рукоятке. Но в итоге Колетт перебралась в квартиру на первом этаже, купленную на кусочек наследства, которое ей досталось и теперь ухаживала за садом во внутреннем дворике. Уютную мансарду она решила сдавать — прибавка к пенсии никогда не лишняя. Однако найти арендаторов в Дьеппе оказалось непросто: сюда никто не переезжал, скорее наоборот. А местным съёмное жильё и во все ни к чему. Прошлым летом здесь жил племянник Клода — рыбака, у которого мадам Леруа брала рыбу. Парень приехал подзаработать у дяди на судне, вот Клод и попросил поселить его в мансарде. Когда на объявление в интернете откликнулась молодая девушка из Парижа, радости мадам Колетт не было предела. Объявление висело мёртвым грузом, а тут — тихая, спокойная Лоранс, да ещё с огромным рыжим Сартром. Мадам тут же скинула цену: живой человек и кот в доме куда лучше пустых пыльных углов. К Сартру она и вовсе воспылала нежностью, нарекши его «королевским месье». Утром, когда Лоранс приехала и рассыпалась в извинениях за слишком ранний визит, мадам Колетт успокоила её: — О, не переживай, я ранняя пташка — никаких хлопот. Пойдём, быстро всё покажу, и ложись отдыхать: вижу, ты едва на ногах. Голос ее был хрипловатым, от десятка выкуренных Gitanes (Житан), тонких сигарет, выпущенных

ещё в 1910 году и по сей день остающихся символом французской богемы. Волосы уже собраны в тот самый «идеальный» пучок, несмотря на ранний час, а в глазах — невзирая на усталость и печать времени — жила теплота. Она проводила девушку с ее верным спутником в ту самую мансарду и пригласила на чай, после того как девушка обустроится.

Лоранс толкает тяжёлую дверь подъезда, пытаясь удержать сумку, пакет из маркета и Сартра на плече. Дверь поддаётся — и в полумраке первого этажа она сталкивается с мадам Колетт. Женщина стоит у приоткрытой двери: одна рука в кармане твидового жакета, в другой — длинный мундштук с дымящейся тонкой сигаретой. На столике в прихожей, прямо под тусклой лампой, лежит пухлый, явно не раз перечитанный том в тёмной обложке — с узнаваемым силуэтом марионеточных нитей на форзаце.

Мадам Колетт оглядывает Лоранс — усталую, обвешанную сумками, но упрямо вскинувшую подбородок — переводит взгляд на огромного сурового кота и чуть улыбается васильковыми глазами. Она делает шаг назад, приглашая девушку зайти на минутку в тепло и произносит:

— Заходите, мадемуазель Лоранс. Выглядите так, будто только что выдержали бой с целым портом. Знаете, у моего любимого американского писателя Марио Пьюзо есть отличная фраза: «Один человек — это всегда один человек, но двое — это уже союз, это сила». — Она кивает на Сартра, который внимательно разглядывает её с высоты плеча Лоранс.

— Ваш рыжий месье — отличный напарник для побега, но тяжёлые сумки за вас на мансарду не поднимет. Оставьте пакет здесь, на моём столике, не бойтесь — «Крёстный отец» выдержит.

Лоранс неловко улыбнулась и не стала сопротивляться.

- О, благодарю, - девушка осторожно поставила пакет из маркета на столик, пододвинув Пьюзо, - я сейчас вернусь, - торопливо добавила она и направилась к лестнице.

— Не торопись, милая, я пока поставлю чайник, — произнесла мадам ей в спину и прикрыла дверь.

Лоранс зашла в свою маленькую квартирку — Сартр тут же прыгнул с плеча и стал ждать хозяйку. Она сняла пальто, повесила на вешалку, стянула ботинки, освободила кота из шлейки и проверила миску с едой. Украдкой глянув в зеркало, она пригладила выбившиеся пряди и, быстро сунув ноги в удобные сабо, спустилась на первый этаж и тихо зашла к мадам Колетт. Едва закрыв за собой дверь, она оказалась в совершенно другом мире: здесь пахло крепким табаком *Gitanes*, сухой лавандой, старой бумагой и мятным ликером. Квартира Колетт на первом этаже — небольшая, но с очень высокими потолками, и в ней ощущался удивительный простор, несмотря на обилие вещей. Прямо у двери — изящный, слегка потёртый консольный столик на гнутых ножках из тёмного дерева: очевидно, когда-то привезённый из родительского дома в Варанжвиле. На нём под старинной лампой с бахромчатым абажуром стоит пакет Лоранс, рядом

покоится тяжёлая хрустальная пепельница.

В гостиной нет современного пластика. Зато у стены — массивный книжный шкаф, набитый классикой, на полу — старый выцветший ковёр. Вместо безликих картин на стенах — чёрно-белые фотографии в тонких рамках. Стоит приглядеться к стене над комодом — и сразу понимаешь, откуда эта гордая, балетная посадка головы. На одном снимке — совсем юная, невероятно худенькая Колетт в строгом гимнастическом купальнике, застывшая в безупречном шпагате с сияющей молодой улыбкой. На другом — она же, летящая по льду в коротком платье для фигурного катания, с раскинутыми навстречу ветру руками. На полочке рядом — пара старых серебряных кубков, чуть потемневших от времени, и аккуратно свёрнутая поблекшая атласная лента. Это прошлое чемпионки чувствуется в каждом её шаге: даже сейчас, когда ходить тяжело, она не позволяет себе шаркать. Держит спину — как учили на льду и на ковре пятьдесят лет назад.

Тяжёлые портьеры из плотного бархата — очень благородного, но уже усталого синего цвета — приоткрывают вид на маленький внутренний дворик. На подоконнике — пара горшков с геранью и маленькая фарфоровая чашечка. В углу стоит небольшой сервант, где за стеклом хранятся несколько коллекционных сервизов из севрского фарфора. Диван — небольшой, аккуратный, с высокой спинкой, обитый плотной гобеленовой тканью, на нём две подушки, вязанные вручную из толстой шерсти. Напротив, на невысокой деревянной

тумбе, — небольшой телевизор: скорее всего, мадам Колетт включает на нём вечерние новости или старые французские фильмы, пуская кольца дыма *Gitanes* в потолок.

Именно на этом диване, свернувшись безупречным шёлковым клубком, отдыхает вторая хозяйка дома — русская голубая кошка. Шерсть у неё короткая, но невероятно густая, чистого серо-голубого цвета с серебристым отливом, вспыхивающим под лампой. Ушки крупные, мордочка точёная, а глаза — огромные, чистейшего изумрудного цвета.

Слева от гостиной — маленькая, но очень чистая кухня. Здесь пахнет спелыми нормандскими яблоками, чуть подогревшим сливочным маслом и крепким кофе. Медные сковородки ровным рядом висят на стене, на полках аккуратно расставлены баночки со специями, на плите уютно свистит пузатый чайник. Прямо над маленьким обеденным столом — ещё один телевизор: такой же, как бывает на кухнях у мам, чтобы резать овощи или пить утренний кофе под какое-нибудь ток-шоу. Это добавляет квартире живого, бытового уюта — именно такого, в котором Лоранс подсознательно так нуждается после холода Варанжвиля.

Мадам Колетт снимает чайник с плиты и разливает кипяток по кружкам, куда заранее насыпала заварки.

— Садись, милая, пирог как раз подоспел, — мадам Колетт наклоняется, открывает духовку и, сняв с её ручки полотенце, достаёт *Tarte Normande* (Тарт Норманд).

В Дьеппе яблоки — главный культ после рыбы. Из них

делают всё: сидр, кальвадос и, конечно, этот пирог. Секрет в том, что яблоки сначала слегка обжаривают в сливочном масле, выкладывают на песочное тесто и заливают нежным кремом из яиц, сливок, сахара и капельки кальвадоса.

Лоранс садится за стол и втягивает носом невероятный запах. — Как вкусно пахнет, — улыбается она, поправляя очки.

— Честно говоря, я терпеть не могу готовить, — улыбнулась Колетт и поставила на стол пирог. — У нас дома всегда готовил Жан: даже когда возвращался с судна, всё равно находил время на ужин. Но для дорогого гостя — отчего не постараться. — Она мягко улыбнулась и поставила на стол кружки с чаем. — Ну, рассказывай: как тебя встретил наш суровый Дьепп?